

УДК 81.10.02.19

З.А. Ешниязова, М.Г. Иманкулов,

магистранты II курса Казахского национального университета
имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан,
e-mail: zaira-ospanova@mail.ru

Научный руководитель – д. ф. н. профессор В.С. Ли

**Юридические и лингвистические аспекты
квалификации правонарушения
(на материале лингвистической экспертизы текста)**

В статье рассматриваются проблемы исследования конфликтных речевых произведений и их юридической квалификации. На материале газетных публикаций приводится концептуальный анализ слова «клевета», рассматриваемого как юридический термин, используемый при квалификации определенного вида правонарушений.

Обосновывается положение о том, что концепт «клевета» содержит следующие обязательные смысловые компоненты: 1) действие, которое контролируется субъектом, полностью зависит от его целей и намерений; 2) надуманность, ложность сообщаемой информации; 3) негативная информация о ком-либо или о чем-либо; 4) распространяемые сведения считаются нарушением общепринятых норм морали. При лингвистической экспертизе спорного текста следует учитывать все эти смысловые компоненты: лишь при наличии всех четырех компонентов сообщаемую информацию следует считать клеветой. Делается вывод, что, несмотря на прикладной характер, экспертное исследование текста не может быть выполнено квалифицированно без использования научного аппарата современной лингвистики, обладающего огромной объяснительной силой, которую следует использовать в качестве доказательной базы при решении юридических задач, связанных с правовым регулированием.

Ключевые слова: правонарушение, порочащие сведения, клевета, спорный текст, юридизация языка, лингвистическая экспертиза текста, концепт.

Z.A. Yeshniyazova, M.G. Imankulov

**Legal and linguistic aspects of determination of offence
(on the material of the text linguistic examination)**

The article is devoted to research of conflict speech acts and their legal qualification. On the material of newspapers` publications, the conceptual analysis of the word «libel» as a legal definition used for determination of certain type of offences is carried out.

The point is grounded by the fact that the concept «libel» contains the next four obligatory semantic components: 1) action controlled by the actor completely depends on his purposes and intentions; 2) artificiality, falsehood of the given information; 3) negative information about somebody or something; 4) the spread information is considered as violation of universal moral norms. At linguistic examination of arguable text all these semantic components should be taken into account: only in the presence of all four components the information can be considered as a libel. It is concluded that despite the applied nature,

the expert research of the text can't be properly executed without the use of the scholarly apparatus of modern linguistics possessing the huge explanatory potential which should be used as the evidential basis at the solution of legal tasks connected with legal regulation.

Key words: offense, defamation, libel, arguable text, language juridication, linguistic examination of the text, concept.

З.А. Ешниязова, М.Г. Иманкулов

**Құқық бұзушылықты саралаудың құқықтық және лингвистикалық аспектілері
(мәтіннің лингвистикалық сараптамасы материалында)**

Мақалада конфликтті сөйлеу актілерін және оларды құқықтық саралауды зерттеудің мәселелері қарастырылған. Газеттік жариялаулар материалында «жала» сөзіне құқық бұзушылықтардың нақты түрін саралауда қолданылатын құқықтық термин ретінде концепциялық талдау келтірілген.

«Жала» концепті келесідей міндетті мағыналық компоненттер қамтитындығы туралы пікір негізделеді: 1) субъект бақылауындағы әрекет толығынан оның мақсаттары мен ниеттеріне тәуелді; 2) таралған ақпараттың жасандығы, жалғандығы; 3) біреу немесе бір нәрсе туралы негативті ақпарат; 4) таралған ақпараттың жалпы қабылданған мораль нормаларына қайшылығы. Даулы мәтіннің лингвистикалық сараптамасында барлық аталған мағыналық компоненттер ескерілуі тиіс: тек төрт компоненттің барлығы қамтылса, таралған ақпарат жала болып қарастырыла алады. Қолданбалы сипатына қарамастан, мәтінді сарапшылық зерттеу қазіргі лингвистиканың зор түсіндірушілік күшке ие, құқықтық реттеуге байланысты мәселелерді шешуде дәлелдік негіз ретінде қолданылуға тиісті ғылыми аппаратын пайдаланусыз жасала алмайды деген қорытынды жасалады.

Түйін сөздер: құқық бұзушылық, абыройға нұқсан келтіретін мәліметтер, жала, даулы мәтін, тіл юридикациясы, мәтінді лингвистикалық саралау, концепт.

Проблема правовой квалификации того или деяния, считать ли его преступлением, проступком, недоразумением и т.п., как известно, входит в компетенцию юридических институтов общества (прокуратура, следствие, суд). Тем не менее, эта проблема довольно часто не может быть решена без привлечения экспертов, представляющих узкоспециальные отрасли научного знания, начиная с медицины и технических наук, кончая психологией и лингвистикой. Экспертизы, проведенные такими специалистами, решая сугубо прикладные, юридические задачи, во многих случаях определяют окончательное решение суда. К числу таких экспертиз относится и судебно-лингвистическая экспертиза спорных текстов (о специфике и научном аппарате этого вида экспертиз см. [1]; [2]; [4]; [6]; [7] и др.).

Юридическая практика свидетельствует о том, что многие вопросы по проведению судебно-лингвистической экспертизы требуют не только четкого правового регулирования, но и собственно лингвистического обеспечения при их решении. Спорный текст как продукт вербальной деятельности коммуникантов и как объект лингвистического исследования, осуществляемого с целью оказания помощи при решении правовых конфликтов, необходимо рассматривать в соответствии с требованиями

самой юриспруденции, с одной стороны, и с положениями лингвистики как отрасли научного знания, с другой. Эти два аспекта исследования спорного текста должны иметь в виду все: инициаторы проведения экспертизы и лингвисты, проводящие исследование или экспертизу.

Собственно лингвистическая сторона исследования спорного текста предполагает анализ его как целостного речевого произведения, а также отдельных его фрагментов или отдельных языковых единиц. Совершенно ясно, что такой анализ можно сделать лишь на основе и с помощью научного и понятийного аппарата лингвистики, способного объективно ответить на вопросы юриста. Эксперт-лингвист прежде всего имеет дело со спорным текстом не как с юридическим документом, а с текстом как таковым, требующим анализа и описания. Естественно, каждый спорный текст содержит присутствующие лишь ему высказывания, слова, ставшие источником конфликтной ситуации. Однако природа таких ситуаций и юридическая их квалификация, как известно, определяется предварительно инициаторами проведения лингвистической экспертизы, благодаря этому можно говорить о каких-то стандартных конфликтных ситуациях, определенным образом идентифицируемых юридическими сторонами. В зависимости от типа ситуации можно более или менее

определенно судить о круге заданий и вопросов, подлежащих рассмотрению экспертами-исследователями и действительно входящих в их компетенцию. Естественно, каждый тип конфликтной ситуации требует строго определенного перечня таких заданий и вопросов: для ситуации, связанной с оскорблением чести и достоинства личности, требуется решение строго определенных задач, которые относятся преимущественно к анализу формальной и стилистической организации спорного текста, для ситуации, к примеру, финансовых разногласий, вызванных обычно нечетко или неоднозначно сформулированными пунктами делового договора, необходим совершенно иной перечень вопросов, задаваемых лингвистам-исследователям (здесь вопросы будут касаться преимущественно семантико-смысловой стороны спорного текста). Однако в любом случае эксперт-лингвист при исследовании спорного текста должен учитывать природу языка, его антропоцентричность.

Антропоцентричность языка, его принадлежность человеку и «манипулирование» обыденным сознанием человека вызваны принципиальным свойством языка, которое в лингвистике называется избыточностью языка; следствием ее выступает потенциальная множественность интерпретации речевых произведений, что нередко приводит к коммуникативным неудачам или коммуникативным конфликтам. Решение подобных конфликтов входит, как известно, в компетенцию юридической науки, одной из задач которой является преодоление «избыточности» естественного языка, неоднозначного понимания сказанного или написанного. К числу же центральных задач относится формирование и регулирование собственно юридического дискурса, т.е. задача преобразования естественного языка в юридический (юридизация обыденного языка). Для этого у правовых (юридических) отраслей знания имеются свой научный инструментарий и осознание необходимости своей стратегии, «... с одной стороны, стратегии повышения уровня правосознания рядовых граждан и, следовательно, уровня владения ими юридическим языком, с другой стороны, – повышения уровня лингвистических знаний профессиональными юристами, в частности, осознания ими закономерностей обыденного толкования речевых, в частности, его необходимо субъективного характера, неизбежной ориентации на бытовые концепты, вследствие чего

вынуждается «разъюрдизация» текста закона; без такого осознания результаты деятельности законодателя могут существенно отдалиться от тех, чье социальное поведение призван регулировать закон» [3, 26].

При «разъюрдизации» текста закона лингвист-эксперт в качестве «доказательной базы» должен использовать научный аппарат лингвистики, способный дать наиболее убедительный вариант толкования определенного закона. Понятно, что лингвистическое исследование спорного текста или его фрагмента направлено лишь на решение задач правового регулирования и отвечать лишь на те вопросы, которые имеют юридические последствия. Для иллюстрации этого положения приведем фрагмент экспертизы, связанной с газетной публикацией.

Одна из казахстанских газет опубликовала статью, которая была написана на материале интервью, взятого журналистом у юриста, против которого после появления публикации было возбуждено уголовное дело за распространение клеветы в печати. Перед лингвистом был поставлен, в частности, такой вопрос: «Можно ли считать, что представленная на исследование газетная публикация с интервью Абдулова Р.С. по своей общей направленности, по своему содержанию соответствует понятию, которое в языке обозначается словом «клевета»?». Приводим краткий вариант заключения специалиста, в котором рассматривается собственно лингвистический аспект коммуникативного конфликта, вызванного неоднозначным восприятием газетного текста. Понятно, что исследование языковых особенностей такого текста для решения, казалось бы, сугубо прикладной задачи представляет не меньший интерес и для лингвистики текста.

Объектом исследования послужили тексты газетной публикации с интервью Абдулова Р.С. и согласованный с ним текст того же интервью. Сопоставление двух текстов показывает, что каких-либо принципиальных различий в них нет. Как известно, интервью – это самостоятельный журналистский жанр со своими особенностями, и его надо отличать от стенограммы разговора, стенограммы допроса, копий документов и т.п., в которых недопустимы какие-либо правки и исправления, даже орфографические и пунктуационные. В тексте интервью, помещаемом в газете, журналист вправе делать подобного рода правки, при этом ни в коем случае не допуская каких-либо изменений в содержании интервью.

В данном случае журналист полностью следует этому принципу. По своей общей направленности, по своему содержанию оба текста абсолютно идентичны, и окончательные выводы в равной мере относятся к газетному тексту и к согласованному тексту интервью.

Для ответа на поставленный вопрос целесообразно провести концептуальный анализ слова *клевета*, поскольку такой анализ в отличие от традиционного лексико-семантического позволяет установить все смысловые компоненты, которые содержит слово как выражение определенного понятия, именуемого концептом. В лингвистике представлено несколько определений термина концепт (от лат. *conceptus*). Часто его отождествляют со словом *понятие* или *представление*. Обычно же концепт рассматривается как единица нашей когниции, т.е. как представитель всей суммы знаний о каком-либо явлении действительности. В нашем случае для ответа на поставленный вопрос необходимо определить тот целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений слова *клевета*, который следует соотнести с содержанием представленной на исследование публикации, прежде всего с содержанием интервью Абдулова Р.С.

Комплекс языковых значений, передающих наши знания о мире, которые представлены в концепте *клевета*, состоит из нескольких смысловых компонентов, отражающих разные аспекты анализируемого концепта (эти смысловые компоненты в лингвистике принято заключать в лапки ('.....')).

Для установления первого смыслового компонента необходимо определить так называемую деривационную природу слова *клевета*. Это слово относится к отглагольным именам типа *дело, работа, забота, тревога, бег*. Слово *клевета* образовано от *клеветать*. Это – глагол несовершенного вида, и его видовая семантика формирует важнейший компонент концепта *клевета*. Несовершенный вид русского глагола имеет несколько значений. В нашем случае актуальным является значение, которое в видовой паре глагола проявляется в оппозиции 'контролируемость – неконтролируемость'. При этом совершенный вид (СВ) способен обладать семантическим компонентом 'неконтролируемость', в то время как несовершенный вид (НСВ) обязательно связан с компонентом 'контролируемость'. Наглядно такое соотношение можно продемонстрировать на таких примерах:

Не урони (СВ) – *Не роняй* (НСВ), *Не разбей* (СВ) – *Не разбивай* (НСВ), *Не упади* (СВ) – *Не падай* (НСВ) и т.п. Как можно заметить, совершенный вид глагола в этих парах обозначает действие, происходящее в случае неконтролируемости его со стороны субъекта, поэтому можно сказать *Не разбей случайно эту тарелку, Не споткнись в темноте случайно о порог, Не свали нечаянно эту стопку книг* и т.п.. Несовершенный же вид в приведенных примерах обозначает действие, зависящее от субъекта, контролируемое им. Поэтому фразы типа **Не разбивай случайно эту тарелку, *Не сваливай нечаянно эту стопку книг* и т.п. воспринимаются как неправильные. Показательно, что иностранцы, плохо владеющие русским языком, и в языковом сознании которых еще не сформировалась четко видовая оппозиция русского глагола, могут сказать: **Не открой окно* вместо *Не открывай окно*. Таким образом, *клеветать*, глагол несовершенного вида, содержит в своей семантике компонент 'контролируемость', т.е. обозначает действие, которое контролируется субъектом, полностью зависит от его целей и намерений. Именно этот семантический компонент мотивирует значение слова *клевета*. Это существительное именуется такие действия, состояния или события, которые полностью контролируются субъектом, зависят от его воли, намерений и целей. Задачей лингвиста для ответа на поставленный вопрос является установление именно этих намерений и целей и соотнесение их с семантическим компонентом слова *клевета*. В этом слове, как и в слове *клеветать*, содержится семантический компонент 'порочить, обесчестить', реализующий видовое значение контролируемости. Содержится ли этот семантический компонент в представленной на исследование публикации и каковы же ее цели, намерения, прежде всего помещенного в ней интервью Абдулова Р.С.? В тексте интервью эта цель передана след. образом:

1. *В некотором роде опыт юриста Абдулова Р.С. – беспрецедентен. По его заявлению департамент по борьбе с экономической преступностью и коррупцией семь раз отказывал в возбуждении уголовного дела, и семь раз эти представления отменялись прокуратурой.*

2. *При изучении обстоятельств дела и истории взаимоотношений бывших партнеров на протяжении почти пяти лет возникает вопрос – отчего независимый юрист буквально сел «на хвост», казалось бы, и без того хлебнувших лиха предпринимателей? Он ведь и по сей день бьет*

во все колокола, пытаясь привлечь внимание финансовой полиции, органов внутренних дел и прокуратуры, комитета национальной безопасности, агентства РК по борьбе с коррупцией.

Как можно заметить, цель Абдулова Р.С. – борьба с коррупцией и теневым бизнесом, а не желание опорочить и обесчестить кого-либо, т.е. нельзя считать, что у Абдулова Р.С., когда он давал журналисту интервью, было намерение оклеветать кого-либо, распространить через газету клевету. Таким образом, первый смысловой компонент концепта *клевета* ‘опорочить, обесчестить’ отсутствует в исследуемом тексте. Цель публикации – привлечь внимание общественности и правоохранительных органов к коррупции в теневом бизнесе.

Второй семантический компонент концепта *клевета* – ‘надуманность, ложность’. Этот семантический компонент обычно используется в словарях при толковании слова *клевета*: «Ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов». Для решения правовых вопросов и вопросов, связанных с коммуникативными (речевыми) конфликтами, важно не только проверить сообщаемую информацию на соответствие ее действительности, но и определить источник такой информации. Понятно, что первая часть этой задачи (соответствие информации действительности) не является предметом лингвистического исследования, но источник информации может быть установлен. Для этого необходимо провести семантический анализ текста с использованием понятия авторизации. С помощью этой категории излагаемая в тексте информация квалифицируется в отношении источника и способа ее получения. Другими словами, говорящий (пишущий) обязан, сообщая информацию, во-первых, квалифицировать ее как свою или чужую, во-вторых, квалифицировать информацию по способу ее получения. В представленном на исследование материале в качестве средства выражения категории авторизации выступают ссылки на источник полученной информации:

3. ... ко мне подходили родители, чьи дети были замешаны в «кладбищенском скандале», называя прямо организаторов сбора металлолома с могил. Вот когда я впервые услышал о Фариде Исмаилове как о главе группировки.

4. – Подтверждают ли свидетели факт торговли незаконной продукцией?

- Да на суде даже выступил свидетель, кстати, руководитель предприятия, гражда-

нин Асет Хайрушев. Как-то вечером он зашел за продуктами в «Экватор», где ему предложили не только посмотреть, но и примерить атрибуты сексуальной продукции. Он и подтвердил содержание порнокадров, от которых стынет кровь.

Эти фрагменты из интервью Абдулова Р.С. свидетельствуют о том, что сообщаемая им информация не является его выдумкой, а взята из указанных им источников. Таким образом, анализ содержания публикации с интервью Абдулова Р.С. свидетельствует о том, что сведения о Ф. Исмаилове не являются какой-то выдумкой Абдулова Р.С.

Третий обязательный семантический компонент концепта *клевета* – ‘негативная информация о ком-либо или о чем-либо’. В данном случае критерий достоверности или ложности сведений не учитывается, а только признак наличия отрицательной информации, поскольку даже ложные сведения о ком-либо, положительно характеризующие его, не относятся к клевете. Ср.: комплименты, дифирамбы, незаслуженные восхваления, панегирики и т.п.

В исследуемом газетном тексте присутствует негативная информация о Ф. Исмаилове, а именно:

5. – Вы называете Исмаилова одним из фигурантов теневого бизнеса и даже, если не ошибаюсь, главой преступной группировки. В чем же он замечен?

- В продаже возбуждающих таблеток, синтетических наркотиков «экстази», дисков с детской порнографией, мужеложеством и скотоложством в его магазине «Экватор», принадлежавшем жене Исмаилова – Акмарал.

6. ...в прошлом Фарид Исмаилов возглавлял группировку, которая занималась хищением цветных металлов с городских кладбищ; заведомо ложные показания, фальсификация доказательств, мошенничество в крупном размере, нарушение правил бухгалтерского учета, уклонение от уплаты налогов, распространение наркотиков и порнографии.

Таким образом, в исследуемом интервью реализован семантический компонент ‘негативная информация’, в данном случае негативная информация о Ф. Исмаилове.

Четвертый семантический компонент концепта *клевета* – ‘предосудительность’ – отражает так называемый деонтологический аспект рассматриваемого явления, в нашем случае – соответствие или несоответствие поступка

этическим нормам поведения человека. Клевета, распространение клеветы в любом социуме рассматриваются как нарушение общепринятых норм морали и поэтому считаются предосудительным поступком, осуждаемым людьми. В исследуемом тексте газеты не обнаружено ни одного случая указания на аморальность поступков Абдулова Р.С., на предосудительность его действий. Более того, следует признать, что Абдулов Р.С., активно выступая против нарушений законов, норм поведения и т.п., находит поддержку и одобрение со стороны других людей, которые обращаются к нему за помощью:

7. Зная о том, что я «воюю» с Исмаиловым, ко мне обращались и другие люди с просьбой пресечь этот беспредел в их районе. В основном, это женщины-пенсионерки, выступить открыто им мешает страх перед ним.

Таким образом, в представленной на исследование публикации отсутствует семантический компонент 'предосудительность', поэтому действия Абдулова Р.С. нельзя считать аморальными.

Приведенный концептуальный анализ слова *клевета*, позволяющий установить все его семантические компоненты, и сопоставление этих компонентов с содержанием публикации свидетельствуют о том, что только один семантический компонент ('негативная информация') присутствует в тексте. Три компонента ('желание опорочить', 'надуманность', 'предосудительность') отсутствуют в представленном на исследование материале. Между тем, совершенно очевидно, что для того, чтобы считать ту или иную публикацию клеветой, необходимо наличие в ней всех семантических компонентов, поскольку концепт (в нашем случае концепт *клевета*) – это «целостный, понятийно нерасчленимый комплекс языковых значений». Таким образом, считать представленную на исследование публикацию с интервью Абдулова Р.С. клеветой нет лингвистических оснований.

Приведенное лингвистическое исследование газетной публикации, основанное на концептуальном анализе слова *клевета*, решает прежде всего сугубо прикладные задачи, и вывод об отсутствии каких-либо собственно лингвистических оснований для признания журналистского материала клеветой отвечает на конкретно поставленный юридический вопрос. Тем не менее, такие экспертизы текста представляют не меньший интерес и для теоретической лингвистики, поскольку представленный в них языковой материал позволяет увидеть новые аспекты той или иной лингвистической проблемы и вместе с тем проверить состоятельность определенной научной концепции и соответствующего научно-исследовательского аппарата.

Таким образом, лингвистическое исследование спорного текста проводится только для решения прикладных задач, связанных с правовыми отношениями между людьми: «Экспертиза не претендует на полное и исчерпывающее исследование текста, это не входит в ее задачи – оптимальным для экспертного исследования является описание текста, при котором в результате представления зафиксированы только существенные характеристики, которые могут иметь юридические последствия. Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст, следовательно, назначаемое по конкретному тексту экспертное исследование призвано дать такие ответы, на основании которых будет осуществляться квалификация конкретного правонарушения». [5, 372]. Тем не менее, несмотря на прикладной характер, экспертное исследование текста не может быть выполнено квалифицировано без использования научного аппарата современной лингвистики, обладающего огромной объяснительной силой, которую следует использовать в качестве доказательной базы при решении юридических задач, связанных с правовым регулированием.

Литература

- 1 Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.
- 2 Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.
- 3 Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 8-40.
- 4 Ли В.С. и др. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. – Алматы: КазНУ, 2008. – 146 с.

- 5 Матвеева О.Н. Экспертное исследование конфликтного текста как правового нарушения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2007. – С. 372-377.
- 6 Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 256 с.
- 7 Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2002. – 336 с.

References

- 1 Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika. – М.: Flinta: Nauka, 2009. – 592 s.
- 2 Bel'chikov Yu.A., Gorbanevskiy M.V., Zharkov I.V. Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoy ekspertizy spornyh tekstov SMI. – М.: ИПК «Informkniga», 2010. – 208 s.
- 3 Golev N.D. Yuridizatsiya estestvennogo yazyka kak lingvisticheskaya problema // Yurilingvistika-2: russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii: Mezhevuz. sb. nauch. tr. / Pod red. N.D. Goleva. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2000. – S. 8-40.
- 4 Li V.S. i dr. Lingvisticheskoe issledovanie konfliktного teksta v yuridicheskoy praktike / Karymsakova R.D., Tapalova R.B. – Almaty: KazNU, 2008. – 146 s.
- 5 Matveeva O.N. Ekspertnoe issledovanie konfliktного teksta kak pravovogo narusheniya // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyah. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – М., 2007. – С. 372-377.
- 6 Osadchiy M.A. Russkiy yazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyah pravovoy reglamentatsii rechi. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. – 256 s.
- 7 Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessah po zaschite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii / Pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. – М.: Galeriya, 2002. – 336 s.